

Оглавление

Предисловие.....	7
Глава 1	
В которой Лев Толстой становится символом борьбы с режимом и главным идеологом оппозиции	12
Глава 2	
В которой Сергей Витте не может удержать Россию от вторжения в Китай и захвата Пекина.....	58
Глава 3	
В которой евреи выходят на тропу войны: Михаил Гоц и Григорий Гершуни создают самую мощную оппозиционную партию в России.....	98
Глава 4	
В которой либералы входят в моду: Петр Струве и Павел Милюков становятся самыми популярными политиками в стране	158
Глава 5	
В которой императрица Александра и императрица Мария спорят, кто из них будет хозяйкой во дворце и в России	218

Глава 6	
В которой в России появляется первый лидер народного протеста — и зовут его Георгий Гапон	270
Глава 7	
В которой черносотенец Александр Дубровин создает первую в истории страны партию власти, а противник режима Максим Горький просит Запад перестать давать России деньги.....	338
Глава 8	
В которой Петр Столыпин и Дмитрий Трепов предлагают два альтернативных пути реформирования России.....	428
Глава 9	
В которой фанат искусства Сергей Дягилев и религиозный фанатик Илиодор пытаются быть независимыми от государства и даже использовать его в своих интересах.....	494
Глава 10	
В которой миллионеры Павел Рябушинский и Александр Гучков пытаются привлечь крупный бизнес к управлению государством	560

Глава 11

В которой Григорий Распутин становится самым влиятельным коррупционером и самым ненавидимым пацифистом в России.....620

Глава 12

В которой в России появляется второй лидер народного протеста, и зовут его — Александр Керенский..... 678

Глава 13

В которой Ираклий Церетели пытается превратить Россию в парламентскую демократию, а Владимир Ленин мешает ему это сделать..... 726

Глава 14

В которой Лев Троцкий и Лев Каменев не хотят большевистского переворота, потому что считают, что он совершенно не нужен..... 786

Эпилог..... 853

Источники 865

Предисловие

Я не историк, а журналист. И эту книгу я писал по всем правилам журналистики: как если бы все герои были живы и я мог взять у них интервью. Примерно так же, как предыдущую мою книгу «Вся кремлевская рать».

К счастью, большинство моих героев рассказали свои истории — они оставили подробные дневники, письма и воспоминания, а также показания на допросах (список источников — в конце книги). К сожалению, многие из них врали (особенно в мемуарах), но большинство врали искренне, не сомневаясь в том, что говорят правду.

Увидеть Россию начала XX века глазами людей того времени — такова моя главная цель. Когда я начал писать книгу, у меня не было готового ответа на вопрос, почему погибла Российская империя. У меня не было теории, которую я хотел бы доказать читателю и ради которой подбирал бы факты. Наоборот, мне потребовалось много труда, чтобы очистить картинку от предубеждений, наслоений, стереотипов, которые оставили за собой десятки профессиональных историков. Уверенных в том, что революции в России были единственным и необратимым процессом.

Мои герои ничего про это не знают. Каждый из них живет своей жизнью, даже не подозревая, что спустя много лет его сочтут песчинкой или, наоборот, движущим механизмом в историческом процессе.

Я начинаю книгу на рубеже XIX и XX веков. Это очень интересное время. Многие молодые столичные интеллектуалы — поколение нулевых — еще аполитичны, они очень отличаются

Империя должна умереть

от поколения старых диссидентов. Они считают политику чем-то вчерашним, неинтересным и немодным. Но политика резко вторгается в их жизнь, власти вмешиваются в свободу творчества, запрещая и закрывая все, что их не устраивает. Так постепенно начинаются первые в российской истории массовые митинги протеста — и то, как их подавляют, привлекает к ним все больше внимания. В течение нескольких лет в России возникает гражданское общество — активное, требовательное и сознательное.

Российские интеллектуалы возмущены расстрелом демонстрации рабочих 9 января 1905 года — после этого протестные настроения растут так быстро, что, кажется, их уже ничем не сдержать. Креативный класс требует всеобщих выборов, создания парламента, свободы слова, равенства перед законом — и уверен, что добьется своего. Эйфория продолжается почти год: сначала власти будто бы удовлетворяют часть требований, а потом нарушают почти все свои обещания. Вчерашний оптимизм в обществе сменяется тяжелым разочарованием. В России «закручивают гайки», многие считают, что пора валить.

Этот период — между 1905 и 1914 годами — одни современники видят самым благополучным временем Российской империи, «тучным» десятилетием, а другие — мрачными годами репрессий, фальсификаций на выборах, ручного управления судами. Большое влияние в России приобретают религиозные радикалы и мракобесы, требующие сурово наказывать деятелей культуры, оскорбляющих представителей власти или чувства верующих. Многие интеллектуалы эмигрируют — и уже в Европе продолжают бесконечно обсуждать судьбы родины. Здесь же живут представители царской семьи и двора, шокируя европейцев показным богатством.

Эта беззаботная для одних и безнадежная для других жизнь заканчивается внезапно: с началом Мировой войны, которой никто не ждет. Даже не сама война становится для России трагедией — а то, что государство, армия чиновников и бюрократов, не в состоянии с ней справиться. Все первые успехи на фронте заканчиваются из-за коррупции и некомпетентности.

Постфактум история всегда выглядит очень логично. Задним числом прослеживается замысел, разоблачается заговор, видна злая или добрая воля. Но если пытаться проживать историю шаг за шагом, день за днем, вместе с ее участниками, стройные концепции рассыпаются. Ничто не выглядит предрешенным. Все герои все время ошибаются. Никто не может предугадать будущее даже на пару дней вперед. Никто не может спланировать даже собственную жизнь — потому что обстоятельства все время меняются, а от тебя как будто ничего не зависит.

Восстанавливая картину мира и логику действий своих героев, я не старался написать полную историю Российского государства с 1901 по 1917 год. Мне кажется, российская история и так зациклена на государстве, точнее даже, на Государе. Мы привыкли видеть нашу историю как совокупность биографий вождей — и за этим стройным рядом царей, генсеков и президентов совершенно не видно общества. Что хотели люди? Чего боялись? Что они делали и планировали? Все это для меня важнее, чем решения обитателей Царского Села или Кремля. Эта книга — попытка написать биографию российского общества. Изучить, к чему оно стремилось и почему под его напором империя должна была умереть.

В качестве главных героев я выбрал самых ярких представителей общества, лидеров общественного мнения — не только политиков, но и писателей, журналистов, художников, проповедников.

Эта книга — вовсе не академический труд. Я старался использовать язык, который кажется современным в России начала XXI века, — ради того, чтобы читателям было проще и понятнее. К примеру, сто лет назад должность, которая сейчас называется «замминистра», именовалась «товарищ министра», тогда как слово «заместитель» имело совсем другой смысл — «преемник». Зная подобные тонкости, я все же намеренно стараюсь не путать читателя и не перегружать его неважными архаичными подробностями.

В интересах читателя я позволяю себе использовать не только современную лексику, но и современные географические названия.

Империя должна умереть

При этом, отступая от сложившейся традиции, я называю героев так, как они называли сами себя и друг друга, а не так, как принято называть их в исторической литературе. Например, человек, которого обычно называют Евно Азеф, представлялся Евгением, а великого князя Александра Михайловича в кругу семьи звали Сандро, и так же он подписывал свои письма.

С той же целью — говорить с читателем на понятном языке — я представил современные эквиваленты для всех денежных сумм. Важно оговориться, что эти расчеты не претендуют на точность экономического исследования, а лишь призваны показать примерный порядок цифр.

Эта книга — результат усилий огромного количества людей. В первую очередь это мои друзья и коллеги, которые работают вместе со мной в креативной студии «Свободная история». За два года нам удалось создать Проект1917 (project1917.ru) — уникальную базу дневников, писем, воспоминаний, статей, написанных людьми в 1917 году. Все эти материалы структурированы как соцсеть или текстовый сериал, онлайн-драма, которая позволяет каждый день смотреть внутрь 1917 года и видеть мир глазами его обитателей.

Эта книга не была бы написана без редакторского руководства Карена Шаиняна, без упорной работы редактора Анны Шур, без помощи Павла Красовицкого, который провел колоссальную исследовательскую работу в архивах, а также без организаторских способностей Веры Макаренко. Я хочу поблагодарить Алексея Ильина и издательство «Альпина Паблишер» за терпение и профессионализм. Я бесконечно признателен Александру Коляндру, Евгению Алексееву, Михаилу Черномордикову и Георгию Макаренко за помощь. В написании этой книги мне очень помогли профессиональные советы замечательных историков Кирилла Соловьева, Алексея Кузнецова и Бориса Колоницкого.

Еще я хочу выразить поддержку Кириллу Серебренникову, современником и другом которого мне посчастливилось быть. Я очень не хотел бы, чтобы этот выдающийся режиссер повторил судьбу кого-либо из героев моей книги.

Предисловие

Наконец, я хочу посвятить эту книгу своей дочери Лизе. Надеюсь, что она будет интересна ей и ее поколению. И они смогут избежать всех ошибок, которые совершили мы и наши предшественники сто лет назад.

Михаил Зыгарь

Глава 1

В которой Лев Толстой становится символом борьбы с режимом и главным идеологом оппозиции

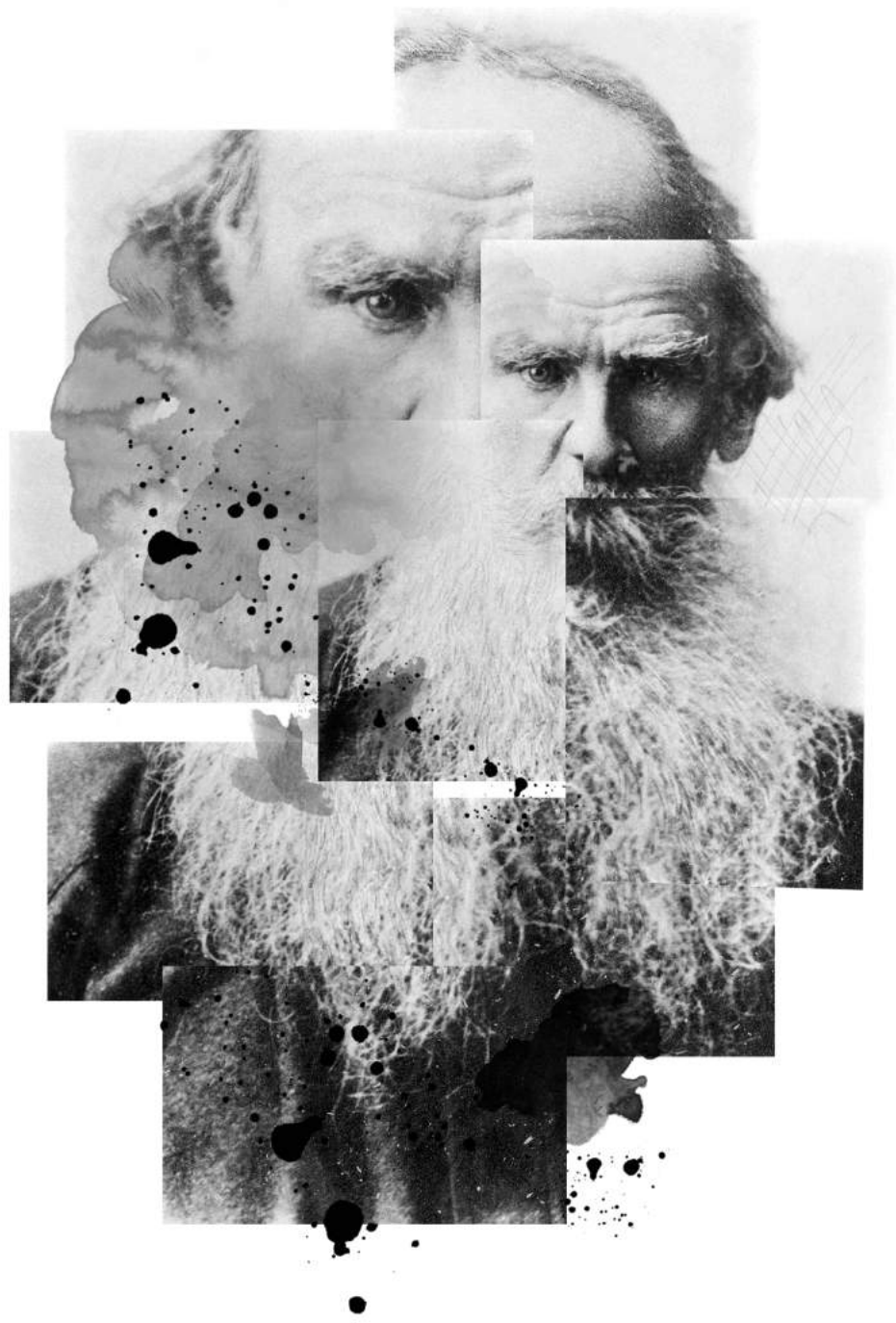
Новый век

24 февраля 1901 года газета «Церковные ведомости», официальный печатный орган РПЦ, публикует текст «Определения Святейшего Синода о графе Льве Толстом», в котором говорится об «отпадении» от церкви самого известного писателя России.

Петербургское общество негодует. «Телеграфу, кажется, приходится в первый раз еще со времени своего существования передавать такое известие, — иронизирует приятель Толстого, журналист и писатель Владимир Короленко. — “Отлучение¹ от церкви”, передаваемое по телеграфной проволоке, — парадокс, изготовленный историей к началу XX века». Православная церковь больше ста лет ни с кем так не поступала, при том что XIX век в России вовсе не был таким уж тихим и благочестивым временем. А тут вдруг решилась.

На следующий день, 25 февраля, текст из «Церковных ведомостей» перепечатывают все газеты, и о своем отлучении узнает Лев Толстой. Он в Москве, в своей усадьбе в Хамовниках. Граф,

¹ С формальной точки зрения в «Определении» Синода слово «отлучение» не употреблялось. Однако все современники Толстого восприняли решение церкви именно так.

по словам его жены Софьи Андреевны, подавлен, вся семья в растерянности: чего теперь ждать?

К этому моменту 72-летний Толстой уже много лет живет даже не вне закона, а выше закона. Его книги запрещены, за их печать и распространение людей ссылают и сажают. Изгнан из России Владимир Чертков — любимый ученик, издатель и верный помощник писателя. Однако самого Толстого пока никто не трогал.

Русская православная церковь не отделена от государства, а значит, отпадение от веры — это уголовное преступление. За это могут и должны наказывать по законам светским: например, тюремным заключением. В последние двадцать лет то и дело появлялись слухи, что Толстого собираются отправить в Суздальский монастырь, действующую тюрьму для религиозных преступников, в которой сидят, например, иерархи старообрядческой церкви. Станет ли «Определение» Синода началом настоящих репрессий против писателя — неизвестно.

Прежде считалось, что Толстому покровительствует сам император Александр III, с детства любивший читать его произведения. Но император умер еще семь лет назад, в 1894 году. Зато жив его бывший учитель, многолетний идеолог империи Константин Петрович Победоносцев, ровесник Толстого (даже на год старше) и его заклятый враг. Новому императору Николаю II Победоносцев годится в дедушки — и имеет на него влияние, поскольку был и его учителем.

Многие при дворе считают, что отлучение — это личная месть Победоносцева. «Прочитал сейчас указ Синода о Толстом. Что за глупость. Что за удовлетворение личного мщения. Ведь ясно, что это дело рук Победоносцева и что это он мстит Толстому...» — пишет юрисконсульт кабинета императора Лебедев.

Граф Толстой, узнав о постановлении Синода, отправляется в Москву. В городе беспорядки. Они не связаны с отлучением: студенческие волнения в Москве и Петербурге начались еще в 1899 году, когда ректор Петербургского университета приказал исключать самых политически активных студентов (отчисленных студентов потом призывали в армию). Второй год подряд в двух

столицах то и дело вспыхивает университетская война. Толстой доезжает до Лубянки и натывается на потасовку студентов с полицией. Новость об отлучении уже облетела город, писателя сразу узнают, и молодежь устраивает ему овацию.

Но аплодисментами дело не ограничивается. «Вот дьявол в образе человека», — кричат Толстому на Лубянской площади. «Настроение толпы было столь двойственно, что если некоторые и выражали свою симпатию Толстому, то другие не скрывали своей вражды и ненависти. Толстой поспешил сесть на извозчика и уехал» — так описывает этот день московский жандарм Александр Спиридович. «Если бы толпа была иначе составлена, очень может быть, что меня бы избili», — вспоминает Толстой.

Дома графа ждут письма от незнакомцев. Открыв несколько наугад, он понимает: это начало травли. «Теперь ты предан анафеме и пойдешь после смерти в вечное мучение и издохнешь как собака... старый черт, проклят будь!» «Если правительство не уберет тебя, мы сами заставим тебя замолчать». «Чтобы уничтожить прохвоста тебя, у меня найдутся средства...» «Признаки такого же озлобления после постановления Синода я замечаю и при встречах с некоторыми людьми», — пишет Толстой.

Наряду с проклятиями приходят и слова поддержки, но к ним Толстой привык и в дневнике не цитирует.

Министерство внутренних дел запрещает любые публикации на тему отлучения Толстого — и наступает тишина, порождающая массу слухов. Владимир Чертков в Англии буквально сходит с ума, прослышав, что Толстой якобы арестован, — и забрасывает его телеграммами. Софья Андреевна пишет письмо петербургскому митрополиту Антонию — именно его подпись стоит первой под «Определением». Толстой продолжает читать все приходящие ему письма — а еще внимательно следит за последними новостями о студенческих беспорядках.

Победоносцев называет все разговоры об отлучении «гучей озлобления», поднятой ненавистной ему интеллигенцией. Крайне недоволен происходящим вокруг Толстого Николай II — царь

не любит скандалов. Он вызывает старого Победоносцева и раздраженно спрашивает, почему никто не обсудил с ним решение об отлучении Толстого. Обер-прокурор Синода (фактически «министр церкви») Победоносцев улыбается: как же, приходил, докладывал, показывал проект «Определения». Просто император прослушал.

Победоносцев, воспитавший двух императоров, не самого высокого мнения о Николае II. Он нередко вспоминает, что в юности государь усердно ковырял в носу, когда ему пытались рассказать, как функционирует государство.

Старый пророк

К моменту отлучения от церкви положение Льва Толстого в России удивительно. Ему 72 года, он один из самых известных людей в стране — и последние двадцать лет враждует с властью.

«Оппозиционная деятельность» писателя начинается с духовного переворота в 1880 году. «Православие отца кончилось неожиданно, — вспоминает сын Толстого Илья. — Был пост. В то время для отца и желающих поститься готовился постный обед, для маленьких же детей и гувернанток и учителей подавалось мясное. Лакей только что обнес блюда, поставил блюдо с оставшимися на нем мясными котлетами на маленький стол и пошел вниз за чем-то еще. Вдруг отец обращается ко мне (я всегда сидел с ним рядом) и, показывая на блюдо, говорит: — Илюша, подай-ка мне эти котлеты. Нет, не забыл, я больше не буду поститься, и, пожалуйста, для меня постного больше не заказывай.

К ужасу всех, он ел и похваливал. Видя такое отношение отца, скоро и мы охладели к постам, и наше молитвенное настроение сменилось полным религиозным безразличием».

Эти съеденные в пост котлеты по влиянию на мировую культуру можно сравнить разве что с табличками, которые Мартин Лютер в 1517 году якобы прибил к дверям Виттенбергской церкви. С отрицания поста Лев Толстой начал собственную реформу христианства.

Толстой, еще в 1870-м начавший изучать древнегреческий, меньше чем за два года, в 1880–1881 годах пишет собственную версию Нового Завета: «Соединение и перевод четырех Евангелий». По сути это психологический роман о юноше Иисусе, который, конечно, не сын Бога, — просто Мария родила его не от своего мужа Иосифа, а «неизвестно от кого». Это не секрет для самого героя, но причина глубокой внутренней драмы. Все разговоры Иисуса с дьяволом — это внутренние диалоги, спор героя с самим собой. Толстой исключает из текста все чудеса, поскольку не верит в них, а заканчивает свое Евангелие смертью Иисуса на кресте — ни о каком воскрешении речи нет. Христос для Толстого — обычный человек, но при этом учитель, философ, моральный ориентир. Главный завет Христа, по версии Толстого, состоит в любви к людям, умении прощать и отказе от насилия, а вовсе не в церковных обрядах.

Толстой отрицает церковь как таковую и все ее ритуалы, поскольку считает, что они лишь разъединяют многочисленных христиан всего мира. Себя он видит создателем универсального христианства, освобожденного от примесей. Любопытно, что в своем Евангелии слово «фарисеи» Толстой меняет на «православные».

Толстой прекрасно понимает, что «Соединение и перевод четырех Евангелий» не может быть опубликовано в России — эту книгу печатают в Швейцарии. В России она выйдет в 1906 году, да и то не полностью. После перевода Евангелий Толстой пишет «Исповедь», позже статью «В чем моя вера?» и другие религиозные труды. Духовный переворот полностью меняет его жизнь и приводит к разладу с женой: Софья Андреевна не принимает новую религию Толстого, перестает быть его творческим напарником. С этого момента «духовным партнером» писателя и главным пропагандистом его идей становится Владимир Чертков. Взаимная ревность и ненависть между Чертковым и Софьей Толстой начинается в 1880-е — и будет продолжаться всю жизнь.

Меняется отношение Толстого и к творчеству, положению и успеху. Авторские права на все произведения, напечатанные до 1881 года, он передает семье, а все, что написано после, объявляет

общим достоянием, за которое ему не нужно платить гонораров. Произведения, созданные до «переворота», в том числе «Войну и мир» и «Анну Каренину», он считает менее значимыми. Много лет спустя в ответ на восхищение гостя Ясной Поляны его романами Толстой скажет: «Это всё равно что к Эдисону кто-нибудь пришёл и сказал бы: „Я очень уважаю вас за то, что вы хорошо танцуете мазурку“». Только свои религиозные труды граф считает достойными внимания.

И именно религиозные труды делают его подпольным писателем — печатать Толстого в России больше нельзя. Тем не менее его учение распространяется. Все чаще призывники отказываются от службы в армии, объясняя, что они последователи Толстого и насилие противоречит их религиозным убеждениям. Число толстовцев растет год от года, несмотря на то что они вне закона.

Неотвратимая казнь

1 марта 1881 года в Петербурге группа молодых людей из организации «Народная воля» убивает императора Александра II. Бомбу в царя бросает 25-летний поляк Игнатий Гриневицкий. Но руководит терактом 27-летняя дочь бывшего губернатора Петербурга Софья Перовская — это она машет белым платком, подавая сигнал убийце.

Смерть императора шокирует петербургскую элиту. На тот момент многие уверены, что Россия находится в двух шагах от принятия конституции. Еще за два месяца до убийства, в январе 1881 года, министр внутренних дел Михаил Лорис-Меликов пишет и приносит императору «всепогоднейший доклад» с изложением плана политических реформ. Через несколько десятилетий историки его назовут «конституция Лорис-Меликова». Проект предусматривает реформу Госсовета, фактически превращение его в подобие парламента, Александр II его одобряет, а утром 1 марта — за час до смерти — сообщает Лорис-Меликову, что через четыре дня документ будет принят Советом министров. Сын императора, будущий

Александр III, конечно, знает об этих планах, так как участвует во всех обсуждениях.

Внезапная смерть царя все меняет. Все в растерянности, и, кажется, только Победоносцев точно знает, что делать. Он срочно пишет письмо новому императору, своему бывшему ученику. «Час страшный и время не терпит. Или теперь спасти Россию и Себя, или никогда. Если будут Вам петь прежние песни сирены о том, что надо успокоиться, надо продолжать в либеральном направлении, надобно уступать так называемому общественному мнению, — о, ради Бога, не верьте, Ваше Величество, не слушайте. Не оставляйте графа Лорис-Меликова. Я не верю ему. Он фокусник и может ещё играть в двойную игру. Если Вы отдадите Себя в руки ему, он приведёт Вас и Россию к гибели. Он умел только проводить либеральные проекты и вёл игру внутренней интриги. Но в смысле государственном он сам не знает, чего хочет... И он — не патриот русский». В последней фразе Победоносцев, конечно, намекает на то, что Лорис-Меликов — армянин.

На совещании 8 марта Победоносцев произносит еще более страстную речь против либеральных реформ — его противники ошеломлены напором. Вскоре после этого Лорис-Меликова увольняют. «Слава Богу, этот преступный шаг к Конституции не был сделан, и весь этот фантастический проект был отвергнут в Совете министров весьма незначительным большинством», — с удовлетворением пишет Александр III.

Лев Толстой поражен убийством императора. Он в Ясной Поляне, почти в тысяче километров от Петербурга. Новость о теракте в столице доходит туда только 3 марта. Толстой ничего не знает о том, какие интриги плетутся при дворе, но предвидит казнь царевубийц. Она кажется ему преступлением против сути христианства. И он пишет два письма: одно — Александру III, а второе — Победоносцеву, с просьбой передать первое. Пишет он их мучительно, почти целую неделю, и отправляет только 15 марта. В это время его терзают ночные кошмары: ему снится, что это он, а не Александр III казнит террористов.

В письме Толстой хочет объяснить императору, что казнь не только противоречит принципам христианства, но и не является эффективным способом борьбы с терроризмом: «Не простите, казните преступников, вы сделаете то, что из числа сотен вы вырвете 3-х, 4-х, и зло родит зло, и на место 3-х, 4-х вырастут 30, 40».

Победоносцев, конечно, царю этого письма не показывает. Такой соперник для него слишком опасен. Учитель Александра III знает то, чего не знает сам Толстой, — новый император очень любит писателя, вырос на его произведениях, зачитывался «Севастопольскими рассказами» в детстве, обожает «Войну и мир».

Победоносцев пишет императору сам: «Уже распространяется между русскими людьми страх, что могут представить Вашему Величеству извращенные мысли и убедить Вас к помилованию преступников. Может ли это случиться? Нет, нет, и тысячу раз нет... Я русский человек, живу среди русских и знаю, что чувствует народ и чего требует. В эту минуту все жаждут возмездия»¹.

Александр III успокаивает Победоносцева: «Будьте покойны, с подобными предложениями ко мне не посмеют прийти никто и что все шестеро будут повешены, за это я ручаюсь».

Однако император ошибается. Друг Толстого Федор Страхов, который и привез письмо писателя Победоносцеву, предпринимает еще одну попытку выполнить просьбу Толстого — передает копию письма младшему брату царя, 23-летнему великому князю Сергею. И тот, в свою очередь, приносит письмо императору.

Удивительно, что через два десятилетия история повторится, но уже с другим концом. Сам великий князь Сергей будет убит террористами ровно так же, как и его отец Александр II. Жена

¹ Крайне распространенное явление — российские чиновники и в XXI веке уверены, что они знают, чего именно хочет народ, и могут говорить от его имени. Этой уверенности им добавляют соцопросы — например, используемые в администрации президента так называемые закрытые опросы ФСО.

Сергея, Елизавета, последует совету Толстого: она пойдет в камеру к убийце и будет просить помиловать его.

Однако в 1881-м ходатайства Толстого и младшего брата императора оказываются бесполезными. Александр III отвечает, что, если бы покушение было на него самого, он мог бы помиловать, но убийц отца не имеет права простить. 3 апреля пятерых убийц Александра II вешают.

Шестой осужденной, Гесе Гельфман, предоставляют отсрочку, поскольку она беременна. Она становится мировой знаменитостью — письма Александру III с просьбой пощадить Гесю пишут со всего мира, в ее поддержку выступает, например, Виктор Гюго¹. Но вскоре после родов она все равно умирает, не получив достаточной медицинской помощи.

«Победоносцев ужасен. Дай Бог, чтобы он не отвечал мне и чтобы мне не было искушения выразить ему мой ужас и отвращение перед ним», — пишет Толстой в апреле 1881 года, не зная, что цареубийцы уже казнены. А Победоносцев действительно медлит и три месяца тянет с ответом Толстому.

Зато 30 апреля он пишет свою «антиконституцию», манифест о незыблемости самодержавия. Так могла бы называться половина всех законов, когда-либо принятых в России: «О призыве всех верных подданных к служению верою и правдою Его Императорскому Величеству и Государству, к искоренению гнусной крамолы, к утверждению веры и нравственности, доброму воспитанию детей, к истреблению неправды и хищения, к водворению порядка и правды в действии учреждений России».

Суть документа проста: больше никаких либеральных реформ, никакой конституции, никакого парламента, никакой представительной власти.

¹ Участие мировой общественности в судьбе российских борцов с режимом станет долгой традицией. Освободить или смягчить приговор заключенным западные политические и культурные деятели будут просить и в советские, и в постсоветские годы. Один из последних примеров — дело Pussy Riot.

В своем отчете императору Победоносцев признает, что «в среде здешнего чиновничества манифест встречен унынием и каким-то раздражением», зато «все здравые и простые люди несказанно радуются». Впрочем, это фирменный стиль Победоносцева — он всегда уверяет, что точно знает мнение народа и говорит от имени истинно русских людей. На самом деле его манифест становится предметом шуток — он входит в фольклор благодаря фразе «...а на Нас возложить Священный долг Самодержавного Правления». За это его зовут «ананасным».

Настоящий Каренин

Начинается эпоха Победоносцева, которая продлится больше двух десятилетий.

*В те годы дальние, глухие,
В сердцах царили сон и мгла:
Победоносцев над Россией
Простер совиные крыла,
И не было ни дня, ни ночи
А только — тень огромных крыл;
Он дивным кругом очертил
Россию, заглянув ей в очи
Стеклообразным взором колдуна.*

Это через тридцать лет напишет про Победоносцева Александр Блок.

Только в июне 1881 года Победоносцев отвечает на мартовское письмо Толстого: «Прочитав письмо Ваше, я увидел, что Ваша вера одна, а моя и церковная другая, и что наш Христос — не Ваш Христос. — Своего я знаю мужем силы и истины, исцеляющим расслабленных, а в Вашем показались мне черты расслабленного, который сам требует исцеления. Вот почему я по своей вере и не мог исполнить Ваше поручение».

Победоносцев и Толстой ни разу в жизни не встречались. Но у «министра церкви» есть основания ненавидеть писателя. В этот момент, в 1881 году, петербургская общественность все еще зачитывается последним романом Толстого «Анна Каренина» (он был опубликован всего три года назад). Читатели пытаются найти прототипов. В Константине Левине ясно угадывается сам писатель. Кто же Каренин? Высокопоставленный чиновник (влиятельный, но без титула), чья жена неверна и эта измена общеизвестна. «Победоносцев!» — так думают все. Тем более жена Победоносцева Екатерина младше мужа на 21 год, и, говорят, у нее роман на стороне. Больше того, после выхода книги она начинает подражать Карениной в манере одеваться. Впрочем, возможно, все параллели между Победоносцевым и Карениным — это светская сплетня, по крайней мере, сам Толстой этого не подтверждал.

Великая ложь

К концу правления Александра II почти ни у кого в Петербурге не было ни малейших сомнений в том, что движение к конституционной монархии неизбежно, что перемены уже необратимы. Но индивидуальное усилие Победоносцева смогло все развернуть. Наиболее полно идеология Победоносцева выражена в его статье «Великая ложь нашего времени», написанной в 1884 году. Это он о демократии.

«Одно из самых лживых политических начал есть начало народовластия... идея, что всякая власть исходит от народа и имеет основание в воле народной. Отсюда истекает теория парламентаризма, которая до сих пор вводит в заблуждение массу так называемой интеллигенции — и проникла, к несчастью, в русские безумные головы».

Победоносцев вовсе не считает, что у России особый путь и демократическое развитие не подходит именно ей. Он убежден, что демократия во всем мире уже обнаружила свою несостоятельность: «Больно и горько думать, что в земле Русской были и есть люди, мечтающие о водворении этой лжи у нас; что профессора наши

еще проповедуют своим юным слушателям о представительном правлении, как об идеале государственного учреждения; что наши газеты и журналы твердят о нем в передовых статьях и фельетонах, под знаменем правового порядка; твердят, не давая себе труда взглядеться ближе, без предубеждения, в действие парламентской машины. Но уже и там, где она издавна действует, ослабевает вера в нее; еще славит ее либеральная интеллигенция, но народ стонет под гнетом этой машины и распознает скрытую в ней ложь. Едва ли дождемся мы, но дети наши и внуки несомненно дождутся свержения этого идола¹, которому современный разум продолжает еще в самообольщении поклоняться».

Петербургское дворянство смеется над Победоносцевым, его презрительно обзывают «поповичем». Эта неприязнь взаимна: Победоносцев считает, что главная проблема страны заключается в образовании: самая неблагонадежная и нелояльная часть населения — это интеллигенция, то есть студенты, профессора и даже чиновники. Система знаний, которые они получают, не способствует развитию верности императору. Другое дело — церковно-приходские школы. Образование должно ограничиваться грамотой и Законом Божиим, считает Победоносцев. И создание сети подобных церковно-приходских школ становится делом его жизни.

Высокий покровитель

Несмотря на вражду с «министром церкви», «Определение» Синода и запрет на публикацию произведений, самого Толстого

¹ Слова Победоносцева поразительно точно совпадают с российской телевизионной пропагандой начала XXI века, утверждающей, что демократии не существует, западные страны ее только имитируют: во всем мире выборы подтасовывают, политиков и суды коррумпируют, полиция жестоко подавляет демонстрации и никаких демократических ценностей не существует. В это верят многие россияне и, весьма вероятно, большинство российских чиновников.

по-прежнему не трогают. Такая ситуация невероятно злит писателя: все вокруг него под ударом, а он как будто в вакууме. В 1890 году Толстой разговаривает с религиозным философом Константином Леонтьевым, своим убежденным противником. «Жаль, Лев Николаевич, что у меня мало фанатизма, — сердится Леонтьев. — А надо бы написать в Петербург, где у меня есть связи, чтобы вас сослали в Томск и чтобы не позволили ни графине, ни дочерям вашим даже и посещать вас, и чтобы денег вам высылали мало. А то вы положительно вредны». «Голубчик, Константин Николаевич! — отвечает писатель. — Напишите, ради бога, чтоб меня сослали. Это моя мечта. Я делаю все возможное, чтобы компрометировать себя в глазах правительства, и все сходит мне с рук. Прошу вас, напишите».

От репрессий Толстого оберегает Александр III, который, с одной стороны, ценит его творчество, а с другой — резонно полагает, что мученичество лишь поспособствует распространению толстовства. Но популярность писателя продолжает расти — в том числе благодаря его общественной деятельности. В 1891 году в Центральной России и Поволжье начинается голод. Толстой едет в Рязанскую губернию, открывает там сеть бесплатных столовых, собирает огромные средства в помощь голодающим. Во время одной из поездок он узнает, что на железнодорожной станции местный священник выступает перед голодающими крестьянами и уговаривает их не брать ничего у Толстого, потому что он антихрист. Поначалу крестьяне действительно отказываются: «Иди, иди, матушка, со своим хлебом, не надо нам антихристово подавания», — вспоминает дочь Толстого Татьяна слова голодающих. Но затем все же принимают помощь.

Бессмысленные мечтания

В 1894 году покровитель Толстого Александр III умирает, не дожив до 50. Его преемнику Николаю II 26 лет, он не интересуется ни политикой, ни престарелым Толстым, ни его ровесником Победоносцевым, который раздражает и пугает молодого императора. Впрочем,

главный тезис Победоносцева Николаю близок, он тоже уверен, что власть царя — от Бога, а всякая конституция — от дьявола.

Правление Николая II начинается со скандала. В начале 1895 года он принимает делегации от разных губерний. Во время встречи представители Тверской губернии в своем поздравлении говорят о необходимости увеличить роль общества в управлении государством. В своей ответной речи император называет их просьбу неожиданно резко: «бессмысленными мечтаниями».

Выражение «бессмысленные мечтания» немедленно становится крылатым. В высшем обществе обсуждают, как и почему молодой царь позволил себе такую неаккуратную формулировку. Известная петербургская светская дама генеральша Богданович записывает в дневнике популярный в столице юмористический стишок:

*И нахмутив очи строгие,
Чтоб скорее зло пресечь,
Корифеям демагогии
Царь сказал такую речь:
«За благие пожелания
я вас всех благодарю.
Но бессмысленны мечтания
власть урезать мне, царю!
Вы о вольностях все грезите,
Как Дантон или Марат,
И с суконным рылом лезете
Sans façons, в зеркальный ряд.
Или вы воображаете
(в самом деле — как умно),
Что собою представляете
Вы парламента зерно.
Далеко зерну до колоса,
Не пришла еще пора.
Дам пока вам право голоса
Лишь для возгласа “ура!”».*

Столичная молодежь относится к словам императора без улыбки. Сын пермского губернатора, недавний выпускник Петербургского университета, а теперь популярный публицист Петр Струве пишет «Открытое письмо к Николаю II». Письмо распространяется в виде листовок и, конечно, без подписи автора. «До сих пор Вы были никому неизвестны, со вчерашнего дня Вы стали определенной величиной, относительно которой нет больше места “бессмысленным мечтаниям”. Вас обманули, Вас запугали представители той именно придворной бюрократической стены, с самодержавием которой никогда не примирится ни один русский человек».

25-летний Петр Струве пишет 26-летнему Николаю о том, что интеллигенция наивно полагала, что царь и бюрократия — разные силы, а услышав про «бессмысленные мечтания», поняла, что это одно и то же: «Если самодержавие на словах и на деле отождествляет себя со всемогуществом бюрократии, если оно возможно только при совершенной безгласности общества... — дело его проиграно, — оно само себе роет могилу и, рано или поздно, — падет под напором живых общественных сил... Ваша речь в одних вызвала чувство обиды и удрученности...; у других — она обострит решимость бороться с ненавистным строем всякими средствами. Вы первый начали борьбу, и борьба не заставит себя ждать».

Не меньше Струве словами императора возмущен граф Толстой, хоть и не обещает императору немедленной революции. Он пишет статью «Бессмысленные мечтания» — пожалуй, наиболее полное изложение своей политической позиции; статью очень резкую и оскорбительную для молодого императора:

«Необдуманый, дерзкий, мальчишеский поступок молодого царя стал совершившимся фактом; общество, все русское общество проглотило оскорбление, и оскорбивший получил право думать (если он и не думает, то чувствует), что общество этого самого и стоит, что так и надо с ним обращаться, и теперь он может попробовать еще высшую меру дерзости и оскорбления и унижения общества».

Осуждая «нахальство молодого барчука», Толстой переходит к выводу, что монархия как таковая опасна для России:

«Ни один разумный человек не сядет в экипаж, если не знает, что кучер умеет править, и в поезд железной дороги, если машинист не умеет ездить, а только сын кучера или машиниста, который когда-то, по мнению некоторых, умел ездить; и тем менее не поедет в море на пароходе с капитаном, права которого на управление кораблем состоят только в том, что он — внучатный племянник человека, который когда-то управлял кораблем. Ни один разумный человек не вверит себя и свою семью в руки таких кучеров, машинистов, капитанов, а все мы живем в государстве, которое управляется, и неограниченно, такими сыновьями и внучатыми племянниками не только не хороших правителей, но на деле показавших свою неспособность к управлению людей».

От монархии Толстой переходит к критике чиновничества:

«В последнее время люди эти до такой степени у нас в России пали в нравственном и умственном значении, что если они прямо не воруют, как воровали те, которых обличили и прогнали, — они даже не умеют притвориться, что преследуют какие-нибудь общие государственные интересы, они только стараются как можно дольше получать свои жалованья, квартирные, разъездные. Так что управляет государством не самодержавная власть — какое-то особенное, священное лицо, мудрое, неподкупное, почитаемое народом, — а управляет в действительности стая жадных, пронырливых, безнравственных чиновников, пристроившихся к молодому, ничего не понимающему и не могущему понимать молодому мальчику, которому наговорили, что он может прекрасно управлять сам один».

В завершение статьи Толстой прямо называет Победоносцева, который, по его мнению, является символом режима, «одуряет и развращает» народ. Это новый вызов государству; Толстой будто бы нарочно старается уязвить власть — и добиться наказания.

В 1897 году в России проходит перепись населения, и несколько тысяч человек называют себя толстовцами. Учение объявлено

вредной сектой. Борьбу с ней возглавляет сам всемогущий «министр церкви» Победоносцев.

Великое переселение

В первые годы правления Николая II Толстой начинает еще одну мощнейшую общественную кампанию — в защиту духоборов. Это христианская секта, очень близкая ему идейно: они отвергают обрядовую часть православия и любое насилие. В 1895 году духоборы, живущие недалеко от Тбилиси (тогда — Тифлис), протестуя против принудительного призыва в армию, собирают в кучу все имеющееся в местной общине оружие и сжигают. После этого репрессии против духоборов только усиливаются: их сажают в тюрьмы, отдают в дисциплинарные батальоны, ссылают.

Толстой и Чертков вступаются за духоборов, и вскоре о них начинает писать вся мировая пресса. И тогда у Толстого возникает идея вывезти духоборов туда, где их не будут преследовать. Рассматриваются разные варианты: Китай, Кипр, Гавайи.

Он начинает сбор денег и ради этого даже пересматривает собственное решение отказаться от гонораров. Специально побыстрее дописывает «Воскресение», чтобы все деньги от публикации романа отдать на помощь духоборам.

Правозащитная деятельность самого Толстого остается безнаказанной, но Черткову грозит ссылка в Сибирь. Благодаря связям удается сменить приговор на высылку за границу, и в 1897 году Чертков отправляется в Англию. Публицист, свободно владеющий английским, становится рупором Толстого в западном мире. И именно в Лондоне Чертков находит способ помочь духоборам. Новоявленный политэмигрант приходит к другому выходцу из России — князю Петру Кропоткину; тот живет в эмиграции уже больше 20 лет, с 1876 года. Знаменитый ученый-географ, открывший такое явление, как ледниковый период, и одновременно классик мирового анархизма берется помочь духоборам. Кропоткин не раз ездил в научные экспедиции в Канаду (и пришел к выводу, что эта

территория геологически родственна Сибири). Туда он и предлагает переправить духоборов.

Историческое переселение начинается в 1898 году. Больше восьми тысяч человек в Батумском порту садятся на зафрахтованные Толстым корабли и отправляются в Квебек и Галифакс. К 1900 году колоссальная операция по спасению духоборов от репрессий заканчивается. Толстой демонстрирует, что он в состоянии жить в государстве и быть практически независимым от него.

Кстати, в романе «Воскресение» Толстой наносит еще один удар по Победоносцеву. Это уже не отдаленное сходство, как в случае с Карениным, — здесь есть персонаж, в котором Победоносцев угадывается безошибочно. Это абсолютное зло, «министр церкви» Топоров.

«Топоров... относился к поддерживаемой им религии так, как относится куровод к падали, которою он кормит своих кур: падаль очень неприятна, но куры любят и едят ее, и потому их надо кормить падалью».

Цензура, конечно, всю девятую главу, где содержится этот фрагмент, к печати не допускает. Но все заинтересованные лица, включая Победоносцева, читают полную версию.

Не молиться

Толстой раздражает и власть, и церковь. Но никто не решается на резкие шаги — и так продолжается до тех пор, пока он не начинает тяжело болеть. В 1899 году в газетах появляются рассуждения о том, что писатель может скоро умереть. Высшие чины Святейшего Синода совещаются: как поступать с Толстым, когда он умрет? Один из церковных иерархов, архиепископ Харьковский, даже пишет проект постановления об отлучении Толстого от церкви. В 1900 году митрополит Киевский рассылает секретное письмо, запрещающее всем священникам страны поминать Толстого. Но писатель выздоравливает. Зато скоропостижно умирает сам киевский митрополит.

Петербургский митрополит Антоний, несмотря на свою репутацию либерала, решает вопрос с Толстым закрыть. Раз уж принято тайное решение об отлучении Толстого — надо сделать его публичным. Он собирается просто обнародовать секретный циркуляр, но сперва решает утвердить его у государственного куратора церкви — Победоносцева. Тот переписывает текст и ужесточает его. Именно этот, отредактированный Победоносцевым, текст и попадает в «Церковные ведомости»¹. Он подписан семью иерархами: Антонием и еще шестью митрополитами. Подписи «церковного министра» там нет.

По пунктам перечисляются все претензии к Толстому: проповедует свержение всех догматов православной Церкви, отрицает божественность Христа, непорочное зачатие, воскрешение, загробную жизнь, Страшный суд и все таинства Церкви. Следовательно, Толстой «сознательно и намеренно отторг себя сам от всякого общения с Церковью», поэтому церковь не считает его своим членом, пока он не раскается. Заканчивается документ короткой молитвой за Толстого, с просьбой к Богу вразумить его.

Убийца в окне

8 марта 1901 года, всего через две недели после «отлучения» Толстого, обер-прокурор Синода Победоносцев сидит у окна в кабинете своего казенного особняка. Окна выходят на Литейный. Победоносцев, как обычно, работает допоздна, и его нетрудно заметить с улицы. Поздним вечером к окну подходит 25-летний Николай Лаговской, мелкий провинциальный чиновник, статистик из Самарской земской управы. Он достает револьвер и шесть раз стреляет в Победоносцева.

¹ Спустя сто лет Русская православная церковь тоже абсолютно несамостоятельна: несмотря на формальное отделение церкви от государства, она, по сути, функционирует как государственное ведомство, подконтрольное администрации президента.

Первые пять пуль попадают в потолок, шестой выстрел дает осечку — Лаговской промахивается. Начинается шум, выбегают дворники, террорист пытается бежать, но его хватают.

Столичная полиция встает на уши, тем более что за неделю до этого убит министр народного просвещения Николай Боголепов. Это первое громкое покушение за двадцать лет; со смерти Боголепова и покушения на Победоносцева в России начинается эпидемия политических убийств.

По всей стране устраивают молебны за здоровье Победоносцева. Не везде, однако, они проходят гладко: в Рязани, например, местные студенты устраивают скандал в момент службы «за здоровье инквизитора». 74-летний Победоносцев — наверное, самый ненавистный чиновник в России, самый главный враг всех оппозиционеров: и студентов-революционеров, и петербургской интеллигенции. Лаговской на допросе говорит, что хотел «истребить его, как главного виновника всяких стеснений, мешающих прогрессу и свободе», а главной виной Победоносцева считает «распространение в народе суеверия и невежества посредством церковно-приходских школ».

Лаговского приговаривают к шести годам каторги, он не доживет до освобождения, умрет в Сибири. Победоносцев переживет его, на него будут еще несколько раз покушаться.

Казанская битва

Через неделю после отлучения Толстого, 4 марта 1901 года, на площади около Казанского собора толпятся люди. Здесь не только студенты, но и столичные знаменитости, например два молодых писателя-социалиста. Они — полная противоположность друг другу. Один — молодой человек из хорошей семьи, сын пермского губернатора Петр Струве, второй — юноша из низов, Алексей Пешков, подписывающий свои произведения псевдонимом Максим Горький. Струве профессионально занимается политикой в стране, где нет политики. Это он писал анонимное «Открытое